

ПРОНИКНОВЕННАЯ ПОЭТИЧНОСТЬ

Первый спектакль
английского балета

За последние годы москвичи имели возможность познакомиться с классической хореографией многих стран. Это были яркие и своеобразные впечатления.

Теперь мы на первом спектакле английского Королевского балета «Ундины». Первое, о чем хочется говорить, — это проникновенная образность хореографии Фредерика Аштона, сумевшего соединить воедино сказочно-фантастические сцены, жанрово-бытовые и дивертисментные эпизоды. Мы сразу же оказались во власти той поэтичности, которая создается гармонией замысла и безупречной строгостью стиля. Хореографические краски «Ундины» разнообразны, порой даже контрастны, но все они подчинены чуть наивному и печальному колориту старинной легенды. Слово издадека доносится к нам волшебное эхо старых баллад, легенд, сказаний. Даже бравурные танцы охотников и шутов, почти пантомимные сцены матросов по своему романтичны. Это впечатление достигается тончайшей проработкой каждого движения и той мягкой сдержанностью манеры, которая отличает исполнение кордебалета. Изобретательно поставленный танец шутов кажется оригинальным и не выглядит обычным балетным дивертисментом, благодаря счастливо найденным движениям и костюмам, напоминающим рисунки Калло. Сказочные эффекты создаются прежде всего чисто хореографическими, а не постановочными средствами, которые очень скромны.

Гармоническое единство общей картины достигается своеобразными композиционными приемами. Ф. Аштон искусно сочетает танцевальные темы солистов с танцами кордебалета. Выходу Палемона и Берты предшествуют пляски охотников. Танцевальные мотивы партии Ундины развиваются в танцах русалок и духов подводного царства. Поражает тщательная законченность движения рук. Именно эти движения — плавные, мягкие непрерывно струящиеся у русалок, повелительные, строгие у рыцаря Палемона, Берты и их приближенных — создают тончайшую хореографическую поэму. Ф. Аштон нигде не прибегает к школьно-академическому рисунку рук и корпуса — все подчинено образному строю спектакля. Движения рук передают красоту струящихся волн, колыбание водорослей, причудливое переплетение коралловых рифов. Каждое движение, поворот, жест продуманы и тщательно выполнены, каждая деталь законченна.

Своеобразием отмечена архитектура танца. Балетмейстер избегает развернутых вариаций, раскрывая характеры героев прежде всего в дуэтом танце, отмеченном слитностью, плавностью танцевального рисунка, красотой сложных необычных поддержек. Богатство и тонкость психологических оттенков делают дуэты Аштона не только красивыми, но и трогательными, волнующими. Гордый, надменный рыцарь попадает во власть чарующей непосредственности, которой полна дочь изменчивой водной стихии, лукавая и нежная Ундина.

Партия Ундины сочинена балетмейстером и воплощена Марго Фонтейн с истинным вдохновением. Только подлинная влюбленность в поэтический образ могла родить в воображении хореографа этот бесконечно брызжущий каскад мельчайших прихотливых движений рук, поворотов корпуса, головы, все оттенки то резвого, то испуганного, то стремительно ликующего бега. Нельзя не восхищаться удивительной непринужденностью, естественностью балерины в этом фантастическом, необычном образе. Каждый мельчайший пластический нюанс кажется рожденным сейчас, на наших глазах. Радость и грусть, удивление и восхищение, обида и нежность сменяются мгновенно, неуловимо. Ее движения — словно искрящаяся на солнце, набегаящая и исчезающая легкая морская зыбь.

Майкл Сомс в партии Палемона впечатляет мужественной строгостью пластики, великолепным искусством поддержек. Он создает образ рыцаря, в характере которого суровость соединена с глубочайшей любовью, страстная одержимость с благородной сдержанностью. Самый его мужественный, атлетический облик прекрасно оттеняет женственность и хрупкую грацию Фонтейн.

Александр Грант в партии повелителя Средиземно-

го моря Тирренио создает выразительный образ гневной, мстительно-злобной стихии, его резкое сумрачное лицо, все движения и позы полны мрачной силы, экспрессии.

Оформление Лилы де Нобили на первый взгляд может показаться несколько архаичным, но архаичность эта намеренная, в ней есть такое же ощущение стиля, как и во всей постановке.

Музыка немецкого композитора Ганса Вернера Генце довольно трудна для сценического воплощения. Интересная ритмически, оригинальная по оркестровым краскам, она однообразно элегична, холодна, в ней нет настоящего драматического развития.

Несмотря на то, что прекрасный дирижер Джон Ланчбери проникновенно и увлеченно интерпретирует партитуру, стремясь придать ей недостающую динамич-

ность и темпераментность, слабости музыки не могли не сказаться на спектакле — в нем есть длинноты, утомительные повторения танцевальных тем. Излишней нам представляется и эстрадно-изолированная пластическая массовая композиция в одном из эпизодов второго акта, чем-то напоминающая музыкальное представление. Мало удачен сентиментальный и статичный финал спектакля, словно заимствованный из наивной рождественской пантомимы.

Но это частности. В первой встрече с английским балетом нас порадовали изысканный вкус, тонкая культура и своеобразный стиль молодого национального хореографического театра. С нетерпением ожидают наши зрители новых встреч с деятелями английского балета, с его талантливыми балетмейстерами и актерами.

Николай ЭЛЬЯШ.

Марго Фонтейн и Майкл Сомс в балете «Ундина». Фото С. СМЕРНОВА.

А3

В3

